
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йоршиш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивялова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскую. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

А. А. Бурыкин, О. Ю. Коробейникова

Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века

(По материалам картотеки Словаря русского языка XVIII в.)

В Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) уже в течение многих лет составляется «Словарь русского языка XVIII века». Источниками этого словаря являются самые разные памятники русского языка, начиная с эпохи Петра и заканчивая временем царствования императора Павла I — официальные государственные документы, журнальная периодика и первые русские газеты, научные труды по самым разным областям знаний, записки путешественников, словари, произведения художественной литературы, частные письма. В минувшем году вышел в свет 9-й выпуск словаря, включающий слова на букву «К». Среди этих слов есть и слова «калмык», «калмыцкий»¹.

Восемнадцатый век — интереснейшее в историко-культурном отношении время в политической и культурной истории России, превращающейся в этот период в развитую и просвещенную европейскую державу. Не менее интересно это столетие и в истории калмыцкого народа, который к его концу уже более полутора веков находился в составе Российского государства и проживал на той территории, на которой живет и ныне. Работа лексикографов-историков русского языка позволила собрать и представить в компактном виде множество упоминаний о калмыцком народе, представленных в самых разных документах и литературных произведениях. Основываясь на материалах вышеупомянутого словаря и в особенности его картотеки, можно составить себе довольно полное представление о том, каким был образ калмыцкого народа в глазах русских людей XVIII века, явившегося для России веком Просвещения, веком становления отечественной гуманитарной науки — истории, этнографии, языкознания.

Одно из первых упоминаний о калмыках в документах XVIII в.² — это перечисление народов, кочующих в степях юга и юго-востока России: «Владетельства народов степных суть разсеянна во многие орды и народы, как татары, калмыки, мунгалцы, киргизы и прочия, от них же каждая орда имеет своего

князя, или мурзу, или таишу, которые в разсеянии по великим степям при водах избрав своему скоту место пажитное неколико время ту обитают...» (География или краткое земного круга описание. М., 1710. С. 66). Чрезвычайно показательно, что калмыки в этом перечне народов занимают второе место после татар — того народа, который был хорошо знаком русским в течение предыдущих пяти столетий. Это не случайность — это отражение закономерного процесса знакомства с народами, живущими к востоку и северо-востоку от Волги. Восточные соседи русских — коми-зыряне на севере, татары на востоке и калмыки на юго-востоке будут не раз упоминаться в описаниях землепроходцев и записках путешественников в связи с описанием жизни, быта и внешнего облика народов Сибири и Крайнего Северо-Востока. Во второй трети XVIII в. места проживания калмыков указываются достаточно точно при описании отдельных российских губерний: «В первых те (народы), кои в границах сей губернии издавна живали, и ныне жительствуют, а именно: 1) Российские; 2) Татара; 3) Башкирцы; 4) Мещеряки; 5) Калмыки...» (Топография оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, соч. Петром Рычковым. СПб., 1762. Ч. 1. С. 52). Можно напомнить, что о калмыках, живших в XVIII в. в Оренбургской губернии, писал А. С. Пушкин в повести «Капитанская дочка».

История появления калмыков в степях между Волгой и Доном, включающая даже малоизвестные историкам подробности, была неплохо знакома ученым XVIII в.: «Повествуют, что в прошедший век некоторый калмыцкий владелец, именуемый торгоут Орлюк, пришел от Аларк-Удлы, что знаменует Пеструю гору, лежащую между Сибирью и Индией, на Российские границы, и привел с собою около 50 000 семей, или кибиток, как они их называют. Во время пути своего в западную сторону Волги, разбил он нарядною битвою некоторого татарского владельца, называемого Ейбал-Учика, который кочевал на другой стороне реки Ембы» (Белл Д. Белевы путешествия чрез Рос-

сию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. 1. С. 27) ³.

Особое положение калмыцкого народа в тогдашнем российском обществе по сравнению с многими другими российскими «инородцами» подчеркивают многие исторические источники. Посланцы волжских калмыков не только были гостями при царском дворе в Петербурге, ставшем «окном в Европу» для русского народа и других народов России, но и входили в мир европейской культуры; газетная хроника времен императрицы Анны Иоанновны сообщает: «*Вчера смотрели калмыцкие послы... Университетскую библиотеку и Кунсткамеру*» (СПб Вестник. 1735. С. 178). Воинская служба калмыков в XVIII в. зафиксирована в документах, связанных с историей российской топографии и гидрографии, в частности в «Описании Каспийского моря» Ф. И. Соимонова: «*По напечатанной тогда в иностранных землях росписи командированное в сей поход войско (1721 г.) состояло из 22 000 пехоты, 20 000 казаков, 30 000 татар, 20 000 калмыков, 9000 конницы и 5000 матросов*» (Соимонов Ф. И. Описание Каспийского моря // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763. Вып. III. С. 206) ⁴. Этот же источник сообщает нам, что в то время представители калмыцкого народа уже вошли в совсем не традиционные для себя сферы деятельности. Один из калмыков, очевидно, получивший элитарное для своего времени образование, служил во флоте на офицерской должности штурмана. Ф. И. Соимонов пишет о нем: «*Сей (штурман Бранд) был природной калмык, но имел немецкое прозвание по голландскому купцу, бывшему после российским резидентом в Амстердаме, господину Бранду, у которого он служил в своей юности*» (Там же. Вып. I. С. 19).

Жизнь и быт калмыков были хорошо знакомы русским ученым и путешественникам XVIII в. В. Н. Татищев, давая определение слову «кибитки», надо полагать, хорошо ему знакомому, отмечает: «*(Кибитки) У калмык делаются из складных решеток прутенных*» (Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Соч. В. Н. Татищевым. СПб., 1793. Ч. III. С. 195). Довольно рано было обращено внимание на особенности пород скота, находящегося во владении жителей прикаспийских степей. В «Словаре коммерческом» 1787 г. мы читаем: «*Бараны калмыцкие, или татарские, которые составляют пропитание калмыков, кочующих около Волги... У них нет хвостов, но вместо того курдюки, состоящие из одного только сала*» (Словарь коммерческий. М., 1787. Ч. 1. С. 146). Ценные историко-этнографические сведения о соколиной охоте «калмыков и киргизов» (вероятнее всего, казахов) содержатся в одном из охотничьих руководств: «*У калмык и у всех Татарских орд, а особливо у киргизцов беркут в великом почтении, и покупают оных очень дорого, рублей по пяти и до тридцати*» (Совершенный егер, или знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте. Пер. В. Левшин. СПб., 1779. С. 291).

Русские люди довольно рано соприкоснулись с буддизмом — религией калмыков и других монголоязычных народов. Первые сведения о буддийских храмах, изображениях Будды и других божеств буддийского

пантеона, которые мы можем прочесть в русских документах, содержатся уже в «Хождении за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Надо обратить внимание на то, что исторические источники достаточно хорошо отличают «идолопоклонников», как в прошлом называли буддистов, от представителей всех других конфессий: «басурмане»-мусульмане, почитатели Магомета и Корана, и анимисты — коренные жители Сибири, которых часто называли просто язычниками, под такое определение не подходили. Более того, уже в самом начале XVIII в. русским людям стало достаточно достоверно известно, что калмыки вместе с другими монголоязычными племенами восприняли буддизм (ламаизм) из Тибета, откуда он распространился и в государства Дальнего Востока. В уже цитированной нами «Географии» говорится: «*Калмыки и мунгалы веры суть идолопоклонницы, которую восприяли от китаицов, и волхование между ними обретается великое*» (География или краткое земного круга описание. С. 68). Под «волхованием», очевидно, следует понимать остатки шаманистических ритуалов, которые у калмыков в XVIII в. сохранялись, и их проявления были более заметны, нежели в более позднее время. Ламаистские ритуалы, исполнявшиеся калмыками, дали наименование одному из растений, которое использовалось для окуливания изображений божеств: «*По берегам сего озера много росло калмыцкого ладана, которым деревцом калмыки окуливают своих бурханов или богов*» (Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства... СПб., 1771. Ч. 1. С. 412).

Язык калмыков в XVIII в. привлек к себе внимание языковедов: слова калмыцкого языка заняли свое место среди почти 250 языков мира, материалы по которым вошли в «Сравнительный словарь всех языков и наречий...» П. С. Палласа (СПб., 1787—1789. Т. I—II). Однако помимо решения научных задач собирания материала по калмыцкому языку проявилось и стремление овладеть этим языком практически, с тем, чтобы поддерживать устойчивые контакты с жителями степей и способствовать обращению какой-то части калмыков в христианскую веру. Академик И. И. Лепехин отмечает: «*Ставропольское духовенство крайне старается соблюсти в них целостность нашего закона: по чему учрежденный в Ставрополе протопол отец Дубовской, искусный в калмыцком языке, нередко объезжает все их улусы...*» (Дневные записки... С. 232). Здесь можно отметить, что приобщение к христианской вере и обращение в православие для калмыков не рассматривались как обязательные: по существовавшим в то время и сохранившимся до наших дней нормам буддисты-калмыки имели право нести казачью службу наравне с православными христианами и мусульманами. До сих пор одна из трех полос казачьего знамени — желтая — является символом калмыков и отличает их от других казаков — представителей иных конфессий.

Основательное знакомство с физическим типом, хозяйством и бытом калмыков, которое демонстрируют русские ученые и путешественники XVIII в., стало причиной того, что при характеристике народов Крайнего Севера и Сибири в историко-этнографиче-

ских источниках того времени часто подчеркивается сходство этих народов с калмыками. Достаточно рано оказалось замеченным сходство калмыков с жителями Прибайкалья и Забайкалья — бурятами, и из данного сходства был сделан правильный вывод об общем происхождении этих народов: «*Не много они (буряты) отличаются, одеянием своим и образом жития, от Волжских калмыков; а сие то и понуждает меня думать, что они одного с ними происхождения*» (Белл Д. Белевы путешествия... Ч. 1. С. 224).

В описании народа манси (или, как их называли до конце 20-х годов нашего века, вогулов) говорится: «*Многие из них (вогуличей, т. е. манси) походят на калмыков, а иные на вотяков и пермяков Зырян, с которыми в некоторых словах и языком сходны*» (Любарских П. Краткое известие о пермских и чердынских вогуличах. 1788 // Российский магазин. СПб., 1792. № 1. С. 75). Этническое и языковое сходство народа манси с другими финно-угорскими народами — удмуртами (вотяками) и коми (пермяки и зыряне, составляющие две разные этнические группы коми), отмеченное в рассматриваемом источнике, надо признать существенным достижением для науки XVIII в.

Очень интересно, что известный исследователь народов Прибайкалья, Охотского побережья и Камчатки Степан Петрович Крашенинников в своем труде «Описание земли Камчатки» при передаче особенностей внешнего облика, жилищ и пищи местных жителей обращается к характерным чертам калмыков: «*Что камчадалы так как Мунгалы ростом niskи, телом смуглы, немохнаты, черноволосы, малобороды, лицом калмыковаты...*» (Описание Земли Камчатки соч. Степаном Крашенинниковым. СПб., 1755. Т. 1. С. 14). В другом месте он замечает: «*Юрты у них (оленных коряков) подобны юртам других кочевых народов, каковы, например, Калмыцкия, токмо гораздо меньше*» (Там же. Т. 2. С. 151). У него же при описании кипрея — растения, которое использовалось в пищу и находило применение в хозяйстве у камчадалов-ителменов, мы читаем: «*Сушеной кипрей весьма приятен, и вкусом походит несколько на сушеные огурцы калмыцкие*» (Там же. Т. 2. С. 200).

Названия народов, живущих на отдаленных окраинах России, в XVIII в. довольно часто употреблялись в художественных текстах и были средством изысканной стилистической игры, основой для которой служили как своеобразная экзотика названий народов, так и сопоставление древних и современных названий народов. С. Десницкий объединяет названия российских народов с древними обитателями Европы, о которых рассказывали античные авторы: «*...в пастушьем состоянии, в каком Юлий Цезарь... застал первоначальных Британцов, Галлов и старинных Германцов, и в каком находятся у нас скитающиеся Юртами и Ордами татары, калмыки и подобные сим бесчисленные народы...*» (Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов... говоренное... Семеном Десницким. М., 1775. С. 18). Тут наряду с известными читателям именами императора и историка Юлия Цезаря и названиями древних «варварских» племен, являющихся предками современных русскому автору англичан, французов и немцев говорится о народах не менее эк-

зотических для образованного россиянина XVIII в. — татарах и калмыках.

В художественной литературе слово «калмык» становится весьма выразительным символом кочевника, путешественника, чем очень эффектно пользуется такой мастер литературного слога, как Н. М. Карамзин. В «Письмах русского путешественника», которые были своего рода книжным бестселлером в конце XVIII столетия, он вкладывает в уста своей героини следующую фразу: «*Мы, женщины, созданы для неподвижности, а вы все (мужчины) калмыки — любите скитаться, искать Бог знает чего, и не думать о нашем беспокойстве*» (Карамзин Н. М. Письма русского Путешественника. М., 1797—1801. Ч. 5. С. 368). Источником стилистического эффекта в данном контексте является прежде всего кочевой образ жизни калмыков, который становится базой семантического расширения смысла лексемы «калмык» — «кочевник вообще», «человек, не мыслящий жизни без дальних путешествий».

Похоже, в некоторых документах XVIII в. сохранились свидетельства того, что одновременно с образом калмыцкого народа, ярко отразившимся в живописных произведениях, в русской культуре того времени сформировалась некая мода на предметы, связанные с культурой калмыков⁵. Подтверждение этого мы находим в письмах русского поэта и политического деятеля Г. Р. Державина: «*Два приятельския ваши письма... я имел удовольствие получить, из коих при одном и калмыцкий черный тулуп...*» (Г. Р. Державин — Д. Б. Мертваго, 24 сент. 1795 // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1868—1878. Т. 6. С. 28).

Приведенные цитаты показывают, что слова «калмык», «калмыцкий» для русского языка XVIII в. отнюдь не были экзотическими названиями малоизвестного народа, живущего в отдаленных от цивилизации местах. Документы XVIII в. содержат достаточно много примеров упоминаний о калмыках и могут стать важным источником для изучения истории калмыцкого народа и калмыcko-русских культурных связей. Употребление слов «калмык», «калмыцкий» в произведениях различных научных и литературных жанров демонстрирует нам устойчивое и основательное знакомство русской интеллигенции XVIII в. с внешним обликом, бытом, культурой калмыцкого народа и его историей и местами его проживания. Это особенно ярко выразилось в описаниях путешествий и трудах по географии и этнографии и проявилось в том, что калмыки, наряду с ближайшими восточными соседями русского народа — татарами и финно-угорскими народами, стали для русской этнографической науки своего рода эталоном, с которым сравнивалась культура народов, живущих к востоку от Урала и в Сибири. Образ калмыка-кочевника прочно вошел в контекст русской художественной литературы, в ораторской прозе и публицистике XVIII в. усматривается устойчивая и очень выразительная стилистическая фигура — соположение названий древних народов, упоминающихся в сочинениях античных писателей, и названий современных народов, живущих, по тогдашним представлениям, на краю ойкумены. Позже А. С. Пушкин, применяя тот же самый прием, писал:

И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Можно с несомненностью утверждать, что Пушкин, упоминая о калмыках, хорошо знал, что читатели

его произведений к моменту их выхода в свет были знакомы с калмыцким народом, его жизнью и бытом уже более столетия. Восемнадцатому веку принадлежит огромная роль в просвещении российского народа, в том числе и в установлении связей и взаимного знакомства с культурой народов России.

Примечания

1. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997. С. 214—215.
2. Упоминания о калмыках в русских источниках XVII в. в данной статье не рассматриваются. В «Словаре русского языка XI—XVII веков» слово «калмык» отсутствует: исторические источники, в частности материалы из двенадцатитомного собрания документов «Дополнения к актам историческим», в этот словарь не вошли.
3. Джон Белл (1691—1780) — шотландский врач и путешественник. В 1714 г. прибыл в Петербург и присоединился к русскому посольству, направлявшемуся в Персию. По возвращении в 1718 г. в Петербург, следующие 4 года провел в составе русской миссии, проследовавшей через Сибирь и Монголию в Китай. Позже сопровождал Петра I в его походе в Дербент и к Каспийским воротам. В 1737 г. был послан русским и английским правительствами в Константинополь, вернулся в Англию в 1747 г. Его книга «Путешествия» («Travels») была впервые издана в 1763 г. в Глазго, позже, в 1811 г., переиздана как VII том серии «Voyages and travels» (ed. by J. Pinkerton).
4. О Ф. И. Соймонове и его гидрографической работе на Каспийском море см.: *Гальденберг Л. А.* Каторжанин — сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. Магадан, 1979. С. 42—57.
5. См.: *Борисенко И. В.* Калмыки в русском изобразительном искусстве. 2-е изд. Элиста, 1990.